

цию, лежащую вне произведения и предполагающую знание текста-источника аллюзивного эпиграфа. Эпиграфика «Последней пасторали» полифункциональна, что является особенностью идиостиля А. Адамовича.

¹ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 511.

² См.: Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980. С. 90; Попова Е. Н. Функции эпиграфа как вида вторичной косвенной номинации текста и способы их реализации // Сборник научных трудов. МГПИИЯ имени М. Тореца. М., 1965. Вып. 245; Арнольд И. В. Оценочность комментария в устной речи и тексте // Межуровневая организация текста в естественном языке. Челябинск, 1987. С. 8—9.

³ Адамович А. Додумывать до конца. М., 1988. С. 471.

⁴ Адамович А. Ничего важнее. Минск, 1987. С. 270.

⁵ Лихачев Д. С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. № 6. С. 253.

⁶ См.: Попова Е. Н. Функции эпиграфа... С. 211—212.

⁷ Оскоцкий В. Одна, но пламенная страсть // Октябрь. 1987. № 9. С. 205.

⁸ Попова Е. Н. Функции эпиграфа... С. 211.

⁹ История Всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 291.

¹⁰ Адамович А. Последняя пастораль // Новый мир. 1987. № 3. С. 34. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

¹¹ Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 303.

¹² Адамович А. Додумывать до конца. С. 266.

А. К. НИКЛЕВИЧ

ОТРИЦАНИЕ КВАНТОРОВ И МОДАЛЬНЫЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ

Под квантификацией понимается степень вхождения (или невхождения) множественного актанта в поле интенции предиката. В зависимости от значения квантификации и наличия / отсутствия отрицания предиката в логике, согласно традиции, идущей от Аристотеля, принято выделять общеутвердительные (символ — A), общеотрицательные (E), частноутвердительные (I) и частноотрицательные (O) суждения (или высказывания). Известно также, что постановка отрицательной частицы перед предикатом частноутвердительного высказывания не меняет его истинностного значения, ср.: *Некоторые спят* — истинно, *Некоторые не спят* — истинно. Но как в таком случае должна выглядеть операция изменения истинностного значения I ? Исходя из того, что существуют три значения квантификации: абсолютная положительная, относительная и абсолютная отрицательная, априорно можно предположить, что отрицание I (т. е. высказывания с относительной квантификацией) может пойти по двум направлениям:

(1) *Неверно (Некоторые спят) → Никто не спит;*

(2) *Неверно (Некоторые спят) → Все спят.*

Однако формальная логика (за редкими исключениями¹⁾ не усматривает какой-либо неопределенности в отрицании I : преобразование (2) не только не рассматривается, но и в принципе не допускается. Любопытно, что языковые контексты трансформаций (1) и (2) с интуитивной точки зрения неравнозначны:

(1a) — *Верно ли, что некоторые спят?*

— *Нет, неверно, никто не спит.*

?(2a) — *Верно ли, что некоторые спят?*

— *Нет, неверно, все спят.*

И все-таки этот факт (который подробно будет прокомментирован позднее) не означает, что реализация высказывания с квантификацией в речи осуществляется исключительно под знаком логики: безупречность языкового контекста (2a) не будет вызывать сомнений, если ввести дополнительный показатель *только*:

(2б) — *Верно ли, что только некоторые спят?*

— *Нет, неверно, все спят.*

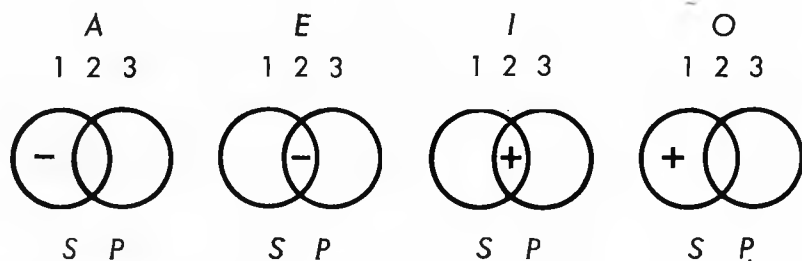
Эти же особенности отрицания характерны для высказываний с абсолютной квантификацией, ср.:

- (3) — Верно ли, что все спят?
 — Нет, неверно, хотя бы некоторые не спят.
 (4) — Верно ли, что все спят?
 — Нет, неверно, спят только некоторые.

Трудности, которые возникают при попытке описания приведенных выше языковых фактов (и подобных им) с позиций аналитической логики, обусловлены, главным образом, двумя взаимосвязанными факторами: во-первых, «логика делает выбор, который с точки зрения языка является произвольным и немотивированным»², во-вторых, языковые выражения обладают свойствами, которые не укладываются в концептуальные рамки логической теории³. Таким образом, традиционное логическое описание интересующих нас конструкций с кванторами требует уточнения, но сразу оговорим: речь не может идти об изгнании логики из лингвистического анализа, а скорее о том, «как лучше извлечь золото логики из руды языка»⁴.

Прежде всего определим логическую основу отрицания кванторов, начав с перечня содержательных отношений между суждениями: 1) A/E — противоположность, или контрарность (комбинационная схема истинных значений 0111 — антиконъюнкция); 2) $I \vee O$ — частичная совместимость, или субконтрарность (1110 — дизъюнкция); 3) $A \rightarrow I, E \rightarrow O$ — подчинение (1011 — импликация); 4) $A = \neg O, O = \neg A, E = \neg I, I = \neg E$ — противоречие, или контрадикторность (0110 — антиэквивалентность).

Перечисленные здесь содержательные отношения суждений непротиворечивы и могут быть строго и однозначно введены со ссылкой на то, как в том или ином типе высказывания предметная область множественного актанта фиксирована в экстенционале предиката, что, вслед за А. Д. Закревским⁵, можно показать с помощью кругов Эйлера (см. рисунок).

(Знак — означает «пустое множество», знак + — «непустое множество»).

Суждения A и O отрицают друг друга, поскольку, указывая на одну и ту же референциальную область (множество предметов, не охватываемых экстенционалом предиката, на рисунке — множество 1), маркируют ее пустоту либо непустоту, что, впрочем, находит отражение в экзистенциальном представлении высказываний с квантификацией: $A \equiv \neg \exists x \neg P(x)$; $O \equiv \exists x \neg P(x)$. Ср. также: $E \equiv \neg \exists x P(x)$; $I \equiv \exists x P(x)$ ⁶.

Аналогично обосновывается отношение подчинения (учет которого, как мы убедимся далее, неизбежен для успешного решения нашей задачи). Для подчинения существенно, что квантифицируемое множество не является пустым. О зависимости $A \rightarrow I$ А. Д. Закревский пишет: «...Непустота области 2 вытекает из пустоты области 1, поскольку известно, что класс S в целом не пуст: в нем содержится, по крайней мере, один объект и если он не может находиться в области 1, то, значит, он принадлежит области 2, так как класс S состоит только из этих двух областей»⁷. С использованием экзистенциальных семантических формул подчинение суждений может быть доказано следующим образом (Δ — символ возможности):

$$((\exists x \Delta P(x) \vee \Delta \neg P(x)) \wedge \neg \exists x \neg P(x)) \rightarrow \exists x P(x), \quad (1)$$

$$((\exists x \Delta P(x) \vee \Delta \neg P(x)) \wedge \neg \exists x P(x)) \rightarrow \exists x \neg P(x), \quad (2)$$

$$((\exists x \Delta P(x) \vee \Delta \neg P(x)) \wedge \exists x P(x)) \rightarrow \exists x \neg P(x) \vee \neg \exists x \neg P(x), \quad (3)$$

$$((\exists x \Delta P(x) \vee \Delta \neg P(x)) \wedge \exists x \neg P(x)) \rightarrow \exists x P(x) \vee \neg \exists x P(x). \quad (4)$$

Таким образом, при элиминировании прагматических факторов семантические отношения между высказываниями с квантификацией представляются строгими и однозначными. Но критерии формальной логики пригодны для лингвистического анализа именно до тех пор, пока во внимание не принимается речевой и неречевой контекст высказывания (в том числе и так называемая импликатура⁸). Дело в том, что логический подход (во всяком случае — осуществляемый в рамках традиционной логики) предполагает описание фиксированных значений, при условии изоморфизма плана выражения и плана содержания знака. Применительно к высказываниям с квантификацией это означает, что логическая интерпретация ориентирована на те и только те референциальные области, которые реально обозначены в высказывании. Логический анализ игнорирует какую-либо роль говорящего, а именно — имеющиеся у него интенции, пресуппозиции, запас фоновых знаний, допущения, предположения и т. д., т. е. все то, что составляет ментальную или, шире, психическую сферу, психическую ориентацию языковой личности⁹. Вряд ли имеет смысл доказывать неполноценность такого описания языка, если учитывать, что общим местом современной лингвистической доктрины является положение о том, что наиболее полная и адекватная лингвистическая модель должна включать «не абстрактные предложения, а предложения, взятые в контексте, причем в понятие контекста входит намерение говорящего»¹⁰.

Наши наблюдения показывают, что смысловые отношения между высказываниями с квантификацией, и прежде всего — отрицание таких высказываний, в немалой степени определяются не только тем, какие предметные области фиксированы в экстенсionale предиката в каждом конкретном высказывании или, выражаясь иначе, какова актуальная степень вхождения множественного актанта в поле интенции предиката, но и тем, что знает говорящий о возможном направлении развития событий или, точнее, о возможных, допустимых в том или ином случае альтернативных значениях квантификации. Высказанную мысль можно проиллюстрировать примером: «Никак нет, — говорю, — не было у меня никакой тушонки!» — «Постойте, — говорит подполковник, — вот вы говорите, что ее у вас не было... Значит, вы допускаете мысль, что она у вас могла быть, иначе вы бы не построили так фразу...» (А. Битов). Допустимые альтернативные состояния квантифицируемой предметной области в соответствии с терминологией современной лингвистической прагматики, восходящей к работам С. Крипке, С. Кангера, Я. Хинтички¹¹, можно трактовать как возможные миры. Таким образом, мы переходим к качественно новому типу описания семантических характеристик квантификации — с учетом не только реального, но и возможных миров.

В качестве формы презентации фоновых знаний субъекта будем рассматривать логические пресуппозиции¹². Под пресуппозициями понимаются «такие высказывания, входящие в значение данной единицы, которые не меняют своего истинностного значения при ее отрицании»¹³, что символически можно записать в виде: если $S_1 \rightarrow S_2$, $\neg S_1 \rightarrow S_2$, то S_2 — пресуппозиция S_1 .

Введение модального значения возможности, которое вслед за В. З. Санниковым будем определять как гипотезу, «относительно истинности которой в момент речи нельзя судить с достоверностью»¹⁴, обосновано для тех лингвистических объектов, логическая интерпретация которых допускает неопределенные выводы. Для высказываний с относительной квантификацией такие интерпретации, записанные в виде

экзистенциальных семантических формул, приводились (см. преобразования (3) и (4)). Упростим запись (3) и (4):

$$I \rightarrow A \vee \neg A, \quad (5)$$

$$O \rightarrow E \vee \neg E. \quad (6)$$

Произведем в (5) и (6) равносильные замены:

$$I \rightarrow (A \vee \neg A) = (\Delta A \wedge \Delta \neg A \wedge \neg \Delta \neg I) = \Delta A \wedge \Delta O \wedge \neg \Delta E, \quad (7)$$

$$O \rightarrow (E \vee \neg E) = (\Delta E \wedge \Delta \neg E \wedge \neg \Delta \neg O) = \Delta E \wedge \Delta I \wedge \neg \Delta A. \quad (8)$$

Таким образом, говорящему, произносящему частноутвердительное или частноотрицательное высказывание, известно, что имеются два возможных мира, в которых I и O истинны, для I — соотносимых с пресуппозициями ΔA и $\Delta \neg A$, для O — соотносимых с пресуппозициями ΔE и $\Delta \neg E$. Известно также, какие направления развития событий исключены (для I — $\neg \Delta E$, для O — $\neg \Delta A$). Поскольку говорящему известно, наконец, и то, что в каждый отдельный момент времени реальным может быть только один из возможных миров ($A \vee \neg A$, $E \vee \neg E$), то, разумеется, в процессе произнесения высказывания актуализируется только одна из пресуппозиций со значением возможности (будем называть такие пресуппозиции модальными). Данная актуализация, если рассматривать ее в рамках строгих логических соответствий, не может быть осуществлена посредством констатации одной из возможностей, поскольку если одно из суждений «возможно, что A » и «возможно, что не- A » истинно, то другое может быть как истинно, так и ложно¹⁵. Значит, чтобы актуализация возможного мира была определенной, соответствующая модальная пресуппозиция должна содержать отрицание одного из возможных миров: $\neg \Delta A \rightarrow \Delta \neg A$, $\neg \Delta \neg A \rightarrow \Delta A$. Таким образом, высказывание с относительной квантификацией реализуется в дискурсе вместе с сопутствующими модальными пресуппозициями (пресуппозиции — в фигурных скобках):

$$\begin{aligned} &I \{ \neg \Delta A \} \\ &I \{ \neg \Delta \neg A \} = I \{ \neg \Delta O \} \\ &O \{ \neg \Delta E \} \\ &O \{ \neg \Delta \neg E \} = O \{ \neg \Delta I \}. \end{aligned}$$

Теперь рассмотрим языковые выражения, соответствующие приведенным семантическим формулам. Высказывание *Некоторые спят* может содержать одну из двух пресуппозиций: либо пресуп. *Исключено, что все спят*, либо пресуп. *Исключено, что некоторые не спят*. Варианты отрицания этого частноутвердительного высказывания обусловлены актуализируемыми в дискурсе различными модальными пресуппозициями. Особенность отрицания высказывания с модальными пресуппозициями состоит в том, что отрицательное высказывание должно быть истинным в тех же возможных мирах, что и отрицаемое, ср.:

(1) *Неверно (Некоторые спят) → Никто не спит*, общая пресуп. *Исключено, что все спят*. Символически: $\neg I \{ \neg \Delta A \} \rightarrow E \{ \neg \Delta A \}$.

(2) *Неверно (Некоторые спят) → Все спят*, общая пресуп. *Исключено, что некоторые не спят*. Символически: $\neg I \{ \neg \Delta O \} \rightarrow A \{ \neg \Delta O \}$.

С одной стороны, рассматриваемые пресуппозиции могут принадлежать имплицатуре дискурса, в том числе проявляя себя в виде декларируемых субъектом пропозициональных установок, например: «Исключено, что все спят. Таким образом, если неверно, что некоторые спят, то не спит никто». С другой стороны, модальные пресуппозиции могут проявляться в плане выражения высказывания, что закономерно в рамках общей коммуникативной тенденции к уменьшению степени неоднозначности языковых сообщений. Языковыми формами, указывающими на наличие у высказывания модальной пресуппозиции с отрицанием

абсолютной квантификации $\{\neg \Delta A\}$, являются служебные слова *хотя бы, по крайней (меньшей) мере*, ср.:— *Разумеется, о том, что все спят, нет речи, но, может быть, хотя бы некоторые спят?* — *Нет, даже некоторые (не говоря обо всех) не спят, т. е. не спит никто.* Наличие у высказывания модальной пресуппозиции с отрицанием относительной квантификации $\{\neg \Delta O\}$ выражается частицей *только*, ср.:— *Известно, что все могут спать, но верно ли, что спят только некоторые?* — *Нет, неверно, что только некоторые спят — спят все.* В приведенных контекстах маркеры пресуппозиции используются вместе с пропозициональными установками, но и самостоятельно они способны однозначно решать вопрос о направлении отрицания: *Неверно (Хотя бы некоторые спят) → Никто не спит; Неверно (Только некоторые спят) → Все спят.*

Приведем трансформации отрицания обще- и частнокванторных высказываний, записанных в виде семантических формул, с учетом пресуппозиций и с указанием маркеров пресуппозиций:

$I\{\neg \Delta A\} \rightarrow E\{\neg \Delta A\}$	<i>хотя бы</i>
$I\{\neg \Delta O\} \rightarrow A\{\neg \Delta O\}$	<i>только</i>
$O\{\neg \Delta E\} \rightarrow A\{\neg \Delta E\}$	<i>хотя бы</i>
$O\{\neg \Delta I\} \rightarrow E\{\neg \Delta I\}$	<i>только</i>
$A\{\neg \Delta O\} \rightarrow I\{\neg \Delta O\}$	<i>только</i>
$A\{\neg \Delta E\} \rightarrow O\{\neg \Delta E\}$	<i>хотя бы</i>
$E\{\neg \Delta I\} \rightarrow O\{\neg \Delta I\}$	<i>только</i>
$E\{\neg \Delta A\} \rightarrow I\{\neg \Delta A\}$	<i>хотя бы</i>

В начале статьи мы обратили внимание на стилистическую неравнозначность языковых контекстов (1а) и (2а). По-видимому, следует признать, что о наличии в содержании высказывания модальной пресуппозиции сигнализируют не только специальные языковые формы и не только семантическая структура дискурса, но и отсутствие каких-либо средств выражения вообще. Пресуппозиции с отрицанием абсолютной квантификации являются первичными и реализуются в высказывании независимо от использования маркеров и вне контекста: *Неверно (Некоторые спят) → Никто не спит.* Служебные слова *хотя бы, по крайней мере* лишь усиливают степень эксплицитности пресуппозиции в содержании высказывания. Модальные пресуппозиции с отрицанием относительной квантификации являются вторичными, контекстно обусловленными либо дополнительно маркированными.

Логический анализ отношений между суждениями базируется на отождествлении *некоторые x = хотя бы некоторые x , хотя бы один x* ¹⁶, и только при таком прочтении квантора обосновано преобразование *Неверно (Некоторые спят) → Никто не спит.* Таким образом, формальная логика не игнорирует пресуппозиций высказывания в принципе, она молчаливо предпочитает одни из них и исключает из рассмотрения другие.

¹ См.: Stanosz B. Wprowadzenie do logiki formalnej. Warszawa, 1985. S. 47.

² Вайрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 71.

³ Еще в 1910 году Н. А. Васильев обратил внимание на семантическую двойственность высказываний с частными кванторами, но, к сожалению, его идеи создания «воображаемой логики» не получили в свое время развития. См.: Васильев Н. А. Воображаемая логика. М., 1989.

⁴ Шухардт Г. Заметки о языке, мышлении и общем языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. С. 284.

⁵ См.: Закревский А. Д. Логика распознавания. Минск, 1988. С. 71.

⁶ См.: Киклевич А. К. Деривационные отношения в системе общих и частных кванторов // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах. Омск, 1988. С. 42.

⁷ Закревский А. Д. Указ. соч. С. 71; см. также: Формальная логика. Л., 1977. С. 324—325.

⁸ См.: Zduńkiewicz D. Pojęcie implikatury w językoznawstwie — przegląd najważniejszych stanowisk // Poradnik językowy. 1988. N 9—10. S. 630.

⁹ См.: Stanosz B., Nowaczyk A. Logiczne podstawy języka. Wrocław etc., 1976. S. 133.

¹⁰ Болинжер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 30.

¹¹ См.: Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.

¹² См.: Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН ОЛЯ. 1973. Т. XXII. № 1. С. 89.

¹³ Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982. С. 66.

¹⁴ Санников В. З. Значение русских разделительных союзов. М., 1986. С. 11.

¹⁵ См.: Формальная логика. С. 69.

¹⁶ См.: Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. С. 44; Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 198, 279.

Л. А. ГИРУЦКАЯ

СИНХРОННЫЙ АСПЕКТ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Интерес к изучению закономерностей образования фразеологических оборотов (ФО) привел к выделению в составе фразеологии особого раздела — фразеоморфизма (фразеоморфизма). Структурная близость терминов «фразеоморфизм» и «словообразование» не случайна: можно говорить о сходстве задач и общности подходов этих дисциплин к своим объектам. Фразеоморфизм, цель которого — выявлять механизмы и способы образования новых ФО в данном языке, представляет собой синхронный подход к этим процессам, подобно тому, как словообразование является синхроническим изучением механизмов и средств, обеспечивающих лексическую деривацию. Фразеоморфизмальный анализ устанавливает, что представляет тот или иной ФО в настоящее время, как соотносится новая фразеологическая единица с имеющейся фразеологией и лексико-семантической системой языка в целом. В противоположность этому подходу историко-этимологический анализ ФО — это реконструкция того реального пути, который привел свободное словосочетание, литературный афоризм или фольклорный мотив к превращению в воспроизводимую и целостную номинативную неоднословную единицу. В этой противопоставленности синхронического и диахронического подходов также выявляется соотнесенность словообразования и фразеоморфизма. Так, с точки зрения синхронного словообразования, слово *доярка* является производным от *дояр*; с позиций диахронии слово *дояр* более позднее по времени и произведено от *доярка* в те времена, когда доение коров в колхозах перестало быть профессией только женщин¹. Таким же образом с синхронной точки зрения ФО *камня на камне не оставить (не останется)* в значениях 1. 'разрушить до основания' и 2. 'беспощадно раскритиковать'² является метафорическим переосмыслением свободного словосочетания, при этом для синхронного анализа не существенно то обстоятельство, что это выражение восходит к евангельским текстам, в которых оно использовалось в прямом смысле: говорилось о зданиях в городе, предсказывалось их разрушение до основания³. Сведения о евангельском источнике фразеологизма и история его переосмысления (т. е. о том, кто первый употребил его в переносном значении, с какими дополнительными семантическими и стилистическими оттенками и т. п.) принадлежат диахронии, синхрония же имеет дело с анализом семантических взаимоотношений прямого и переносного употребления сочетания. Это не означает, однако, полного отрыва синхронии от диахронии в области фразеологии: одноактность рождения нового ФО, его вхождение в узус в течение определенного временного промежутка являются, с одной стороны, элементами синхронии, а с другой — диахронии, так как их результатом является изменение языка⁴. Ценность синхронического подхода к фразеоморфизму — в возможности увидеть системные связи между «новым» и «старым» во фразеологии,